

<https://miamiclasica.com/2018/02/14/hvorostovsky-y-rigoletto-presagio-del-final/>

MIAMI ☀ CLÁSICA

HVOROSTOVSKY Y RIGOLETTO, PRESAGIO DEL FINAL

14/02/2018

SEGUN SEBASTIAN SPRENG

Paradójico que la despedida discográfica de Dmitri Hvorostovsky haya llegado con ***Rigoletto***, el más inmenso y arduo de los roles verdianos para barítono. Un papel en su complejidad equiparable a Hamlet y que requiere la plenitud absoluta de cada faceta artística tanto vocal como interpretativa. ***Rigoletto*** es el bufón, el padre, el lisiado, el resentido, el maldito, aquel que no puede resolver su destino, aquel que se condena a sí mismo perdiendo lo que más quiere. Se humilla, se arrastra, se venga, clama, sufre en carne viva la felicidad que perdió, es - en resumen- el más patético y triste de los personajes de su cuerda. Para interpretarlo hay que, literalmente, encarnarlo; hay que construir un titán a menudo desagradecido fácilmente eclipsado por el tenor a cargo del Duque de Mantua y si no, alguna Gilda que sepa borrar las obviedades de un papel donde lo banal está a cada paso (o nota).

A estas alturas cabe preguntarse si vale la pena otro registro de *Rigoletto*. No si se pretenden superar, o equiparar, estándares del pasado. Es en esta ópera donde la carencia del hoy prácticamente extinto barítono verdiano emerge sin solución, tratar de emularlos sería una tarea imposible. Los fantasmas están a la orden del día, aquellos que lograron fusionar voces redondas con el histrionismo trágico inherente al personaje. Y cuando prevalece la faceta interpretativa se ve cómo los máximos exponentes no han tenido voces esencialmente bellas, basta con la ferocidad de Tito Gobbi, la inteligencia de Dietrich Fischer Dieskau, la bravura de Sherrill Milnes y Giuseppe Taddei para salir triunfantes. Entre sus contemporáneos, quizás sólo Cornell McNeil en plenitud logró aunar ambas facetas. Por otra parte las extraordinarias voces de Bastianini, Bruscantini, Cappuccilli y en esta era los astutos Bruson y Nucci, han dado lustre al personaje. En esta última vertiente se instala Dmitri Hvorostovsky quien lo cantó en Londres y Nueva York, afianzándose poco a poco como dignísimo representante del bufón. El registro tuvo lugar con el barítono ya enfermo del cáncer que provocaría su deceso el último noviembre a los 55 años, edad de madurez vocal y artística de todo gran cantante. De hecho, Hvorostovsky en los últimos años de su vida venía evidenciando un notable crecimiento artístico, crecimiento que se refleja en este *Rigoletto*, registro póstumo y obligatorio para sus admiradores. El bufón herido de muerte en su orgullo – y en la vida – es el vehículo ideal para la redonda sonoridad del siberiano, quizás un instrumento demasiado lírico para reflejar tanto dolor y angustia. Hvorostovsky se transforma, rasga su voz, acude a la expresión cruda, deja de ser el príncipe de los barítonos para convertirse en el hombre frente a su destino. Ya no está en absoluta posesión de sus medios, la vida misma lo enfrenta con su final cercano y pelea, su “Parisiamo” define mejor que nada el carácter del registro y “Cortigiani, vil razza dannata” evoca a la paradigmática conclusión de Falstaff y su “todo en el mundo es burla”. Mensaje último del compositor y aquí, parecería del barítono cuya escena final lleva una impronta de tristeza incontentible. Hvorostovsky se rebela y lamenta su destino, como Onegin, como el pobre *Rigoletto*. Es una despedida brutal e inolvidable.

Si el barítono es el indiscutible centro y atracción de la edición, agrada la homogeneidad del elenco que lo secunda y de una orquesta y coro inesperadas que rinden fervorosas. El trabajo del habitual compañero de “Dima”, Constantine Orbelian escapa a la rutina, conlleva un toque diferente al igual que la orquesta de la ciudad lituana de Kaunas. Es un proyecto “boutique”, y se nota, tanto como para hacerle frente a sellos discográficos mayores.

El duque de Francesco Demuro es otra buena sorpresa amén de algún excesivo fervor e intensidad que no amaina; aunque lejos de la elegancia de un Kraus, Bergonzi o Gedda o la luminosidad de Pavarotti, cumple con creces y se afirma como un nombre a seguir. Asimismo Nadine Sierra tiene en Gilda una espléndida carta de presentación que la ha llevado de Miami y Seattle al Metropolitan y la Scala. Merecedora del Premio Richard Tucker 2017, la soprano floridana compone una Gilda feliz en el extremo del registro, segura y esmaltada, angelical en *Caro Nome*, sin ñoñerías sino decidida al sacrificio. Oksana Volkova y Andrea Mastroni son una siniestra dupla Sparafucile-Maddalena que completan eficazmente el quinteto protagónico.

Sin desbancar a los clásicos de Gobbi-Callas-Distefano-Serafin, Fischer Dieskau-Scotto-Bergonzi-Kubelik (o en su defecto Bastianini-Scotto-Kraus-Gavazzeni) y Milnes-Sutherland-Pavarotti, el presente registro convence gracias a un dramatismo que escapa al universo musical para tocar la puerta de la trágica realidad.

**VERDI, RIGOLETTO, ORBELIAN, DELOS DE3522*

14/02/2018 *Себастьян Спренг*

Хворостовский и Риголетто, предзнаменование конца

Парадокс, но прощание с публикой через студийные звукозаписи у Дмитрия Хворостовского случилась посредством оперы "Риголетто", одной из самых трагических и яростных в своём роде, написанных Джузеппе Верди для баритонов. Роль, сравнимая по своей структуре и объёму с Гамлетом, и для исполнения которой необходимо находиться в полном расцвете сил как в артистическом аспекте, так и в вокальном. Риголетто - это буффон, шут, отец, калека, обиженный на весь мир, проклятый, тот, кто не может решить свою судьбу сам, потеряв того, кого любит больше всего в жизни. Унижается, тащит себя по земле, мстит, проклинает, мучается от потерянного счастья (жизни дочери), и в конце концов превращается в самого убогого и драматического персонажа у итальянского композитора. Чтобы войти в его роль и сыграть, нужно буквально прочувствовать все его душевные переживания и муки, пройти его путь, понять его, надо воплотить неблагодарного титана, которого легко затмевает тенор в лице герцога Мантуанского, или Джильда, которая сумела стереть очевидное из роли, где банальность ощущается и присутствует.

Во-первых, можно спросить, а нужна ли была вообще новая звукозапись этой оперы. Что нам хочет сказать этот диск, стоящий ли он в своем желании или планах превзойти или сравниться с прошлыми стандартами вердиевского произведения. Именно в "Риголетто" отсутствие практически исчезнувшего на сегодняшний день вердиевского баритона будет неразрешимым, попытка подражать ему стала бы невыполнимой задачей. Прошлое - это обычное дело, тем, кому удалось объединить вокальный талант исполнения с присущим персонажу трагическим сюжетом. Когда преобладают актерские навыки и интерпретирующий аспект, вы можете наблюдать, что у лучших исполнителей шута не было по сути прекрасных голосов, им было достаточно свирепости Тито Гобби, интеллекта Дитриха Фишера Дискау, бравады Шеррил Милнс и Джузеппе Таддеи, чтобы выйти триумфаторами. Среди своих современников, пожалуй, только Корнеллу Макнейлу в полной мере удалось обе стороны, вокальная и актёрская. Хотя необыкновенные голоса Бастианини, Брускантини, Капуччилли и в наше время пронизательные Брюсон и Нуччи придали персонажу необходимый блеск и уровень. Среди наших современников Дмитрий Хворостовский стал последним, кто пел Риголетто в Лондоне и Нью-Йорке, постепенно становясь достойным представителем итальянского буффона. Запись была сделана, когда баритон был болен раком, который и привел его к смерти в ноябре 2017 года в возрасте 55 лет, возраст вокальной и артистической зрелости любого великого певца. Абсолютно верно, что в последние годы своей жизни Хворостовский демонстрировал замечательный прогресс, личностный и вокальный рост, который и нашел свое отражение в этом посмертном для него "Риголетто", обязательным и рекомендованным для прослушивания и заслуживающим внимания любителей оперного искусства. Шут, смертельно раненный в своей гордости - в своей жизни - является идеальным инструментом для вокального отражения сибиряка, возможно, излишне лиричным, чтобы выразить бесконечность боли и страдания, выпавшим ему. Хворостовский преображается, у него срывается голос,

грубеют черты лица, он перестает быть принцем баритонов, чтобы стать человеком, стоящим наедине со своей собственной судьбой. Он далек от своей лучшей вокальной формы, сама жизнь грозит ему близким концом и предстоящей и нынешней на тот момент борьбой, его "Parisiamo" отражает лучше всего оттенок и характер всего диска и "Cortigiani vil razza dannata" напоминает итог-парадигму Фальстафа и его "всё в этом мире - насмешка".

Последнее в опере послание композитора и здесь идёт от баритона, финальная сцена которого несёт трагизм и отпечаток неудержимой грусти; Хворостовский протестует, бунтует и оплакивает свою судьбу, как Онегин, как несчастный Риголетто. Это незабываемое и тяжёлое прощание.

Неслучайно, что в данной записи баритон является бесспорным и привлекательным "гвоздём программы", радуется однородностью актерского состава второго плана, который поддерживает Хворостовского, и неожиданно блестящим оркестром и хором, которые исполняют свои роли с большим энтузиазмом. Работа постоянного партнёра "Димы" Константина Орбеляна производит очень положительные эмоции и впечатления, как и оркестр литовского города Каунас. Проект получился люкс, достоин аплодисментов, поэтому звукозаписывающая компания Делос может занести его себе в актив, вне всяких сомнений.

Герцог Франческо Демуро - ещё один приятный сюририз, помимо несколько чрезмерного пыла и неутраченной интенсивности. И хотя он далек от элегантных Крауса, Бергонци или Гедды, или от блестящего Паваротти, он более чем оправдывает себя и претендует на очень возможную блестящую карьеру. То же самое можно сказать и о Надин Сьерра (Джилльда), она продемонстрировала презентацию своих вокальных данных, которые уже привели ее из Майямы и Сиэтла в Метрополитан Опера и Ла Скала. Награжденная в 2017 году премией Ричарда Такера, сопрано из Флориды воплотила в себе утонченную и счастливую в своей любви Джильду, уверенную, но без излишеств, решительную и жертвенную. Оксана Волкова и Андреа Мастрони - зловещий дуэт Спарафучиле - Маддалена, которые эффективно дополняют главный квинтет в ролях.

Не отменяя классических произведений Гобби - Каллас - Дистефано - Серафина, Фишера Дискау - Скотто - Бергонци - Кубелика, Бастианини - Скотто - Крауса - Гаваццини, Милнса - Сазерленда - Паваротти, данный диск убеждает и покоряет, благодаря драматизму, который парит в музыкальной вселенной, когда в дверь стучится трагическая реальность.

Перевод с испанского Ирины Трушкиной